

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

П. П. Карпенко, С. М. Островерхий, А. В. Пелогейко

В статье рассматривается внешнеполитический и военно-политический аспект интересов России на рубеже XIX-XX веков. Значение Кавказа для России объяснялось, прежде всего, тем, что все значимые события на Европейском континенте отражались немедленно и в сопредельном ему регионе. Появление в Европе на рубеже веков нового центра силы – Германской империи и с началом ее экспансии на Восток несколько сглаживаются противоречия в регионе между Великобританией и Россией. Накануне первой мировой войны правительство Николая II надеялось, что Турция сохранит свой нейтралитет, однако правительство Турции преследовало реваншистские цели – овладеть не только Закавказским регионом, но и всем Кавказом, распространить свое влияние на мусульманские регионы Поволжья, с этой целью был подписан германо-турецкий договор. Противостоящий Антанте «Четвертной союз», в Закавказье, вследствие вовлечения в него Турции стал угрожать всему югу Российской империи. Необходимость участия России в военных действиях для союзников по Антанте была очень высокой, западные правительства во время Первой мировой войны шли ей на все уступки. Великая Октябрьская социалистическая революция, а также последовавшие за ней коренные изменения государственного строя России, ее статуса, целей и потребностей определили начало нового этапа реализации geopolитических интересов Российского государства на кавказском направлении.

Ключевые слова: Россия, Закавказье, Первая мировая война, Николай II, Великобритания, Европа, Турция, Иран, Антанта, морской путь, проливы Босфор и Дарданеллы, Октябрьская социалистическая революция 1917 года.

Во внешнеполитической сфере с конца XIX века вплоть до начала Первой мировой войны для России вновь существенно возросла значимость черноморских проливов. «Путь через проливы представляет для нас важнейшую коммерческую артерию», – отмечал вице-директор канцелярии МИД России Н. А. Базили в памятной записке «О целях наших на проливах». Согласно его расчетам, в среднем за десятилетие (с 1903 года) экспорт через Босфор и Дарданеллы достигал 34 % от всего российского вывоза. Особенно критическую роль проливы играли для вывоза русского хлеба. Накануне Первой мировой войны через них направлялось от 60 до 70 % всего хлебного экспорта» [1, С. 17].

В военно-стратегическом отношении Россия придерживалась по вопросу проливов следующей позиции: Босфор и Дарданеллы должны находиться либо

под контролем Турции, либо России. Принадлежность проливов какой-либо иной державе считалась недопустимой. Именно поэтому в период болгаро-турецкого конфликта, после взятия болгарскими войсками Адрианополя и возникшей вследствие этого прямой угрозы Стамбулу, правительство Александра III объявило мобилизацию и выразило готовность занять Константинополь, чтобы опередить в этом Болгарию (к концу XIX века окончательно перешедшую в союзники Германии).

Важность Кавказа для России была обусловлена, в первую очередь, тем, что все более или менее значимые события на европейском континенте немедленно отражались и в этом приграничном регионе. В частности, с возникновением в Европе нового центра силы – Германской империи и началом ее экспансии на Восток на рубеже XIX-XX веков про-

тиворечия между Великобританией и Россией в регионе несколько смягчились. Их почти столетнее соперничество в Персии сменилось своеобразным партнерством. Теперь Россия и Великобритания, как члены военно-политического блока Антанта, стремились не допустить проникновения в регион третьей силы – Германской империи. В результате в 1907 и 1915 годах были заключены русско-английские соглашения, юридически закрепившие раздел сфер влияния и установившие возможность контроля этих двух держав над всеми политическими и социально-экономическими процессами в Персии.

Данный период отмечен активизацией политики Великобритании, вызванной стремлением превратить Иран в британский протекторат как террииторию, непосредственно примыкающую к британским владениям в Индии. Российское правительство, в свою очередь, преследовало в регионе иные цели, связанные с наличием у России нефтяных концессий в Иране, а также с тем, что накануне Первой мировой войны она стала главным экономическим партнером Ирана.

Благодаря достигнутым с Великобританией в 1907 году договоренностям, Россия получила возможность напрямую с шахским правительством контролировать развитие военно-политической ситуации в нестабильных северных провинциях Ирана. Распространяя свою юрисдикцию на северные районы Ирана, российское правительство тем самым принимало меры для предотвращения распространения революционных процессов из Ирана на соседний Азербайджан. Безусловно, для России также было важно, что создавались гарантии безопасности самого кавказского региона от вторжения турецких или германских войск. Поэтому, несмотря на объявленный с началом Первой мировой войны нейтралитет Ирана, его территория использовалась всеми участниками конфликта, в первую очередь Россией и Великобританией.

Накануне войны правительство Николая II рассчитывало, что Турция также сохранит нейтралитет. Однако подписанный впоследствии германо-турецкий договор, а также направление в Турцию «военной германской миссии Л. Сандерса с правами командующей инстанции» [2, С. 124-125] определили Закавказье в качестве одного из основных театров предстоящих боевых действий. Правительство Турции преследовало реваншистские цели – овладеть не только Закавказьем, но и всем Кавказом, распространить свое влияние на мусульманские регионы Поволжья.

Таким образом, противостоящий Антанте «Четверной союз», вследствие вовлечения в него Турции, стал угрожать всему югу Российской империи. Решение о вступлении Турции в войну против России оказалось для нее судьбоносным. Примечательно, что против этой войны выступал и сам султан Махмуд V. Но поскольку власть султана в Турции после революции 1908 года стала номинальной, решение о войне с Россией принималось лидерами правящей партии младотурок «Единство и прогресс», и в частности непосредственно Энвер-пашой, убежденным сторонником германской ориентации. Тем не менее, номинальный глава государства оказался прав. На кавказском театре военных действий ударами Кавказской армии уже к началу 1915 года Турция была фактически выведена из войны. А поскольку необходимость участия России в боевых действиях для союзников по Антанте была крайне высока, западные правительства в период Первой мировой войны шли ей на все уступки. Это позволило практически через столетие вновь поставить в российской политике вопрос о реализации «греческого проекта» Екатерины II.

В сентябре 1914 года в беседе с английским и французским послами министр иностранных дел России С. Д. Сазонов заявил, что при заключении мира русские должны обеспечить себе

навсегда свободный проход через проливы. Официальные требования России, касающиеся османского «наследства», были изложены в меморандуме от 4 марта 1915 года. Согласно этому документу в состав Российской империи должны были отойти «Константинополь, европейские владения Турции до линии Энос – Мидия, часть азиатского побережья в пределах между Босфором, р. Сакарней и подлежащим определению пунктом на берегу Исминдского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос» [3, С. 79].

Таким образом, стратегические интересы России в регионе – овладение черноморскими проливами – перешли в стадию практического разрешения. И лишь Октябрьская революция 1917 года и выход из войны Советской России кардинально изменили и военно-политическую обстановку в регионе, и позиции сторон по вопросу о проливах. Великая Октябрьская социалистическая революция, а также последовавшие за ней коренные изменения государственного строя России, ее статуса, целей и потребностей определили начало нового этапа реализации геополитических интересов Российского государства на кавказском направлении. Для Советской России в условиях Гражданской войны и интервенции вопрос стоял уже не о черноморских проливах, а об удержании собственной территории Закавказья, которая к 1919 году стала объектом притязаний всех воюющих сторон – от Турции и Германии до Великобритании и Соединенных Штатов.

Новое правительство – правительство Советской России, подписывая Брест-Литовский договор, используя противоречия между странами Антанты и пойдя на максимальные уступки коалиции «Четверного Союза», сумело выработать оптимальный вариант послевоенного устройства на южном, кавказском направлении. При этом Советское правительство пожертвовало лишь территориями, завоеванными в ходе войны

1877-1878 годов, в прошлом Карского и Эрзерумского пашалыков, сохранив за Россией собственно Закавказье.

Между тем Турция, избежав вследствие выхода Советской России из войны своего полного краха и раздела ее территории между европейскими державами, [4, С. 170] вновь активизировала боевые действия на кавказском направлении. Военно-политическая обстановка в Закавказье осложнялась еще и тем, что Кавказский фронт стал практически «открытым». Деморализованная революцией армия возвращалась в Россию. Ее личный состав нередко интернировался местными властями, а вооружение изымалось. Ее позиции на фронте в Восточной Анатолии занимались небоеспособными разрозненными армянскими и грузинскими формированиями (каждое только на своем участке). Азербайджанские формирования вообще отказались воевать против Турции.

Прямыми следствием революционных событий в центре России явилось возникновение в Закавказье самопровозглашенной в апреле 1918 года Закавказской Федеративной Республики. Образованный еще в апреле 1917 года Временным правительством Закавказский комиссариат (ОЗАКОМ) практически с самого начала взял курс на достижение сначала автономии, а затем и полной независимости Закавказья от России. После Октябрьской революции этот курс принял форму политического дистанцирования от Советской России. Отметим, что сепаратистская политика в Закавказье местных органов власти – ОЗАКОМа, а впоследствии и закавказского сейма, стала закономерностью, следствием слабой позиции России в регионе. Формальным же поводом для разрыва отношений сейма с Советской Россией стало подписание советской делегацией Брест-Литовского договора, по которому границы в Закавказье между Россией и Турцией определялись по условиям Адрианопольского (1828) договора. Турции возвращались территории

в прошлом Карского и Эрзрумского пашалыков в Восточной Анатолии. В собственно Закавказье договор оговаривал лишь положение Аджарии, ее автономию и возможность самоопределения в государственном устройстве. Позиция закавказского сейма в данном вопросе была следующей: являясь самостоятельным субъектом международного права (хотя и непризнанным), только он вправе решать вопрос о границах в Закавказье. Прежде всего, это касалось права самостоятельного ведения переговоров с Турцией. В результате по инициативе сейма были начаты Трапезундская (в феврале 1918), а затем и Батумская конференции (в апреле 1918), обе закончившиеся безрезультатно из-за позиции Турции, которая, с одной стороны, не желала вступать в конфликт с Советской Россией, а с другой – стремилась максимально использовать сепаратизм закавказского правительства. Попытка самостоятельного ведения переговоров со стороны закавказского сейма закончилась тем, что Турция возобновила боевые действия в Восточной Анатолии и непосредственно в Закавказье. Под угрозой турецкой оккупации оказались крупнейшие центры Закавказья – Тифлис, Кутаиси и др. В целях предотвращения полной оккупации Грузии было объявлено о прекращении полномочий закавказского сейма и провозглашена независимость Грузинской Демократической Республики (26 мая 1918). Тем самым была прервана Батумская конференция. Несколько позднее независимость была объявлена и Арменией.

В целом во внешнеполитической деятельности закавказских правительств отчетливо проявилось стремление проводить независимую от России политику, опираясь на ее традиционных противников в регионе. Наиболее активным в этом плане было грузинское правительство, определившее уже в период Батумской конференции свой внешнеполитический курс на сближение с Германией. 28 мая 1918 года в городе Поти было подписано

временное соглашение об установлении предварительных взаимоотношений между Германией и Грузией. Его условием было признание Брест-Литовского договора и контроль германских оккупационных войск над Грузией. Позднее этому примеру последовало и правительство Армении. С помощью этого закавказское, а впоследствии и оба правительства: грузинское и армянское пытались достичь следующих целей: во-первых, использовать Германию как средство для разрешения военного конфликта с Турцией, а с другой стороны, предотвратить установление Советской власти в регионе. В этом плане, предлагая военно-политическое сотрудничество Германии, грузинское правительство, например, следующим образом обосновывало выгоды данного альянса: «на Кавказский перешеек может перекинуться идея окаймления новой русской границы новыми же государственными образованиями, которые составляли как бы систему Брестского договора, – и далее уже более конкретно предполагалось, что – буферное государство в Закавказье представляло бы свой смысл и с точки зрения прочности германского влияния в Анатолии, и для «брестской» системы подступов к Индии, и охраны пути Каир-Калькутта» [5, С. 167]. Идея буферного государства в Закавказье, вынашиваемая правительством Грузии, предполагала, таким образом, вытеснение России с Кавказского перешейка. Именно посредством этого, по мнению руководителей Грузии (Н. Жордания и др.), могла быть реализована независимость Грузии. Это составляло основу всего внешнеполитического курса.

Поэтому после поражения Германии в Первой мировой войне произошла быстрая переориентация в определении гарантов своей независимости на страны Антанты, которым данная идея была преподнесена уже как своеобразный «демократический щит». Главная же цель закавказских правительств – добиться признания их республик странами Антанты и Лигой Наций – реализо-

вана так и не была. Все обращения грузинского и армянского правительства в 1918-1920 годах с просьбой о признании их суверенными государствами не увенчались успехом. Даже Турция не признала Азербайджан вплоть до 1920 года. Данный факт позволяет сделать вывод, что Закавказье странами Антанты в перспективе рассматривалось как инструмент политики, направленной против Советской России. Ставка делалась на А. Деникина с его Добровольческой армией, декларировавшего идею «единой и неделимой России».

В конечном счете, стремление закавказских правительств к независимости от России предопределило их конфронтационные отношения как с Советской Россией, так и с «белым» движением на юге. Сами же правительства закавказских республик опасались А. Деникина не меньше, чем Советской России. Поэтому выход его Добровольческой армии к Сочи и Гаграм вызвал их протесты, и по требованию западных стран наступление армии А. И. Деникина на черноморском направлении было остановлено. Впоследствии поражение армий А. Колчака, а затем А. Деникина, выход Красной Армии к Ростову заставили руководство государств-членов Антанты пересмотреть позицию относительно независимости закавказских республик. Закавказье стало объектом повышенного внимания практических всех ведущих государств – победителей в Первой мировой войне: Великобритании, Франции и США.

В 1920 году в район Закавказья направляется американская комиссия во главе с генерал-майором Дж. Харбордом (официальное ее название – американская военная миссия для Армении). Она получила от президента В. Вильсона поручение «обследовать Турецкую Армению и все русское Закавказье со всех без исключения точек зрения, относящихся к американским интересам в этом районе. Иначе говоря, она должна была собрать материал для обоснования

захвата Турецкой Армении и русского Закавказья Соединенными Штатами» [6]. Содержание данной программы было изложено в так называемых «14 пунктах Вильсона». На них впоследствии и опиралось правительство дашнаков после своего поражения, отдавая Армению под протекторат США. Советское правительство 20-х годов, став преемником царской России, учитывая опыт образования независимых Польши, Финляндии и прибалтийских государств, политика которых с момента их возникновения сразу приняла антисоветскую и антироссийскую направленность, понимало, что иметь у своих границ слабые независимые государства с антисоветской ориентацией – это значит примириться с постоянным источником конфликтов и напряженности в регионе, с прямой военной угрозой. Поэтому правительство В. И. Ленина не могло признать независимость Закавказья. Внешнеполитический аспект интересов Советской России, а впоследствии СССР, с самого начала определялся комплексной блокадой. Такой же жесткой она была до эпохи Петра I. Поэтому прорыв блокады (дипломатической, экономической и т.д.) являлся для Советской России стратегическим направлением всей системы национальных и военно-политических интересов. Закавказье в этом плане не было исключением. Напротив, именно это направление было наиболее уязвимым в системе «санитарного кордона» вследствие наличия здесь Ирана и Турции, стремившихся уйти из-под опеки западных стран. В опубликованном 3 декабря 1917 года Обращении ко всем трудящимся мусульманам России и Востока советское правительство заявило, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен» [7]. 26 февраля 1921 года в Москве с правительствами РСФСР и Персии был подписан дружественный договор. Для России он означал прорыв дипломатической блокады и определенную гарантию необходимого и желанного мира на южных

границах. Иранское правительство, например, вследствие договора запретило действие басмаческих формирований на своей территории. Для самого Ирана равноправный договор с Советской Россией означал также и денонсацию британского протектората, навязанного ему в 1919 году. Россия вновь становилась крупнейшим экономическим партнером Ирана. Подписанный советско-иранский договор определял также и военно-политический аспект отношений. В частности, его 6-я статья гласила: «Если персидское правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительства само не окажется в силах отвратить нападение (третих держав), Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устраниении данной опасности Российское Советское правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» [8].

Аналогичная политика проводилась и в отношении Турции, с которой в ходе Московской конференции и подписанием 16 марта 1921 года договора» [9, С. 330] были согласованы все спорные территориальные вопросы. Несмотря на то, что Брестский договор был денонсирован, в отношении Закавказья и Восточной Анатолии он не пересматривался. Более того, Турция и Советская Россия выступали одновременно гарантом автономии Аджарии, что было условием принадлежности данной территории Грузии. Все это обеспечивало стабильность и «добрососедство» сопредельных государств в регионе и исключало для Советского Союза военную угрозу с данного направления. Таким образом, характер и содержание геополитической экспансии на кавказском направлении свидетельствует о ее объективном и закономерном характере.

С момента формирования централизованного Русского государства и вплоть до конца текущего столетия со-

стояние военной опасности для России на кавказском направлении было наиболее традиционным. В силу этого важнейшей потребностью для России являлась нейтрализация на Кавказе и в сопредельных с ним регионах источников военной угрозы. Кавказ, таким образом, на протяжении длительного исторического периода эволюции Российского государства выполнял роль естественного военно-оборонительного рубежа России. Вследствие этого идея военно-политического доминирования на Кавказе, как необходимое условие обеспечения военной безопасности государства, являлась наследственной в российской истории и реализовывалась практически непрерывно всеми без исключения политическими режимами России с середины XVI века вплоть до конца текущего столетия.

Исключительно важное геополитическое и военно-стратегическое положение Закавказья определяло его значение для реализации потребностей политического и экономического развития Российского государства. В этом плане военно-политическое доминирование России на Кавказе со второй половины XVIII века определило ее статус мировой державы в Азии. В свою очередь, данный фактор позволял, с одной стороны, развивать всесторонние связи со странами Востока (традиционными торговыми партнерами России), а с другой – контролировать состояние и развитие военно-политической обстановки в наиболее значимых для России регионах мира: на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на Балканах и в целом в Средиземноморском бассейне.

Характерной чертой военно-политических процессов в Закавказском регионе была борьба за региональное господство как со стороны сопредельных государств, так и ведущих европейских держав. С включением Российского государства в политические процессы в регионе данное противостояние приняло в основном антироссийскую направленность. И еще один важный аспект геопо-

литической экспансии России заключался в том, что реализацией Российским государством своих военно-политических интересов на кавказском направлении на длительное время снималась такая острая проблема, как межнациональные и религиозные войны и конфликты. С другой стороны, ослабление роли и позиций России в регионе неизбежно вело к росту напряженности на Кавказе, что, в свою очередь, осложняло положение самой России. После окончания Кавказской войны (1817-1864) в регионе была проведена земельная реформа, благодаря которой местная знать получила «пожалованную» землю в частную собственность, а крестьяне – в общинную собственность. С 1905 года на Кавказе было восстановлено наместничество. На эту должность был назначен граф И. И. Воронцов-Дашков. В основу его политики успокоения Кавказа были заложены принципы одинаковой близости к правительству всех народностей Кавказа, свободы вероисповеданий и покровительства духовной иерархии. В вопросе лишения бандитов социальной поддержки среди населения большое значение придавалось вопросу заселения Чечни представителями других национальностей. Граф И. И. Воронцов-Дашков взял курс на увеличение количества русского крестьянства в данном регионе. Сочетая политические меры с решительными военными действиями по отношению к экстремистским силам, наместник быстро добился стабилизации обстановки в крае. В то же время необходимо констатировать, что особый подход проявлялся по отношению к Чечне ввиду «неблагонадежности» населения. В 1913 году царские власти жесточайшим образом подавили очередное восстание под предводительством Зелимхана Хачороевского, завершившееся депортацией части населения в Сибирь. В Чечне вплоть до 1917 года осуществлялось так называемое военно-народное управление.

После 1913 г. Кавказ, все еще оставаясь объектом острого соперничества ря-

да государств, постепенно становится проблемой внутренней политики России. Потребности социально-экономического развития этого региона, а также обеспечения безопасности своих южных границ побуждали российское руководство осуществлять ускоренное развитие транспортной инфраструктуры, промышленного и сельскохозяйственного производства.

Исходя из общего характера деятельности военно-политического руководства России в период Кавказской войны XIX века, можно констатировать, что желанный мир на территории Северного Кавказа наступил только тогда, когда основным направлением деятельности Российского государства стала реализация комплексной продуманной политики освоения Кавказа. Одним из условий успешного освоения Кавказа стало надежное блокирование мятежных территорий, лишение горцев помощи из-за рубежа как в вооружении, так и в политической поддержке.

Во внешнеполитической деятельности Россией проводилась грамотная дипломатическая работа по недопущению попыток политической поддержки иностранными государствами сепаратистских устремлений кавказских народов. Данная работа опиралась на военные успехи России в войне с Турцией и Ираном, что в целом и создало благоприятные условия для успешного завершения Кавказской войны.

Во внутриполитической области основные усилия сосредоточивались на том, чтобы показать горским народам те преимущества, которые они получат от добровольного присоединения к России. На Кавказе в конечном итоге была создана единая централизованная система руководства, возглавляемая наместником царя – командующим Кавказским корпусом (армией) и его аппаратом управления, в руках которого были сосредоточены все нити власти. Наместник царя отвечал перед Петербургом только за конечный результат и имел свободу для маневра при решении част-

ных тактических задач. Выработкой единой государственной политики освоения Кавказа в целом и программы действий по определенным этапам занимались как правительство, так и те, кто служил на Кавказе и хорошо знал местные условия. В данной программе нашли разумное сочетание меры политического экономического, социального и военного характера.

В результате осуществления грамотной кадровой политики на руководящие посты, с учетом индивидуальных личных способностей, были назначены творческие, смелые, компетентные и грамотные военачальники и администраторы, которые занимались реализацией выработанной программы. В соответствии с ней осуществлялась последовательная перестройка всей политической системы горцев – уничтожение княжеств, ханств и образование областей России, что снимало предпосылки к сепаратистским выступлениям. Много внимания уделялось созданию судебно-исполнительской системы, адаптированной к местным условиям. Для формирования «прорусской» прослойки среди «новой» знати – опоры русской власти на Кавказе, использовались самые различные методы, в том числе подкуп, создание различных привилегий и другие экономические меры воздействия.

В военной сфере одной из главных проблем был поиск правильной, наиболее приемлемой для местных условий стратегии ведения военных действий. В конце концов, отсутствие поспешности в действиях, использование стратегии постепенного закрепления и освоения ранее занятых земель, разнообразие способов борьбы с учетом различий в составе и характере действий, противостоящих российским войскам горцев дало свои положительные результаты.

Дифференцированный подход к выбору способов борьбы с различными народностями и племенами, осуществляемый «методом кнута и пряника», позволил внести раскол в ряды горцев и

ускорить процесс стабилизации обстановки на Кавказе. По возможности присоединение к России осуществлялось не насильственными мерами. Использование противоречий между племенами и горцами позволяло добиваться своих целей с минимальными для русских войск потерями. Наиболее злостные, не поддающиеся «перевоспитанию» кавказцы высыпались с территории Кавказа вглубь России. Командование и войска Кавказского корпуса научились своевременно реагировать на усиление противника и изменение тактики его действий. Государство нашло возможность вооружить русскую армию новым, более современным, чем у противника оружием, что в значительной мере подорвало моральный дух горцев и вынудило их менять свои тактические приемы, избегая открытого боя с русскими отрядами. Командование корпуса добилось неотвратимости наказания горцев, непосредственно участвовавших в набегах и других злодеяниях. Вместе с тем предпринимались самые жесткие меры по недопущению противоправных действий войск против мирных, ни в чем не повинных жителей. В результате грамотно проводимой социально-экономической политики и административно-хозяйственной деятельности были созданы условия экономической зависимости горцев от России. Наглядно демонстрировались преимущества жизни тех, кто проживает на контролируемых русскими территориях. Горцы постепенно отучались от военного ремесла и втягивались в хозяйственную и торговую деятельность. Много внимания российским командованием уделялось идеологической работе. В ходе ее осуществления применялись самые разноплановые меры: государственная поддержка ислама в местах компактного проживания мусульман, деятельности лояльных российскому правительству проповедников; предоставление льгот и преимуществ общинам, принявшим позицию нейтралитета; учет «неписаных» нравственных кодексов горцев. В резуль-

тате проведения комплекса мер в различных сферах противоборства горцы начинали верить в способность России дать им «лучшую жизнь». И это стало од-

ним из решающих факторов погашения очага сопротивления в Чечне в период Кавказской войны.

Список источников и литературы

1. Гирс, А. А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира / А. А. Гирс. – Петроград : [б. и.], 1917. – 24 с.
2. Керновский, А. А. История русской армии : в 4 томах / А. А. Керновский. – Москва : Голос, 1992-1994. Т. 4: 1915–1917 гг. – 1994. – 368 с. : ил. – ISBN 5-7117-0059-3 (т. 4).
3. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / подгот. к печати И. В. Генкина и И. Н. Земсков ; вступ. ст. и ред. Е. А. Адамова. – Москва : Государственное издательство политической литературы (Госполитиздат), 1952. – 462 с.
4. Авалов (Авалишвили), З. Д. Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг. : Воспоминания. Очерки / Зураб Авалов. – Paris : Société de publications géorgiennes "Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence", 1924. – 327 с.
5. Миллер, А. Ф. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории / А. Ф. Миллер ; отв. ред. Г.С. Карасев ; Академия наук СССР, Институт востоковедения. – Москва : Наука, 1983. – 280 с. – С. 167.
6. Документы внешней политики СССР / Министерство иностранных дел СССР. – Москва : Государственное издательство политической литературы (Госполитиздат), 1957 – Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. / гл. ред. А. А. Громыко; сост.: И. А. Ахтамзян, Л. А. Безыменский [и др.]. – 1957. – XXXIV, 771 с. (В 1946 году положения этой статьи были применены на практике.)
7. Дугин, А. Г. "Кавказ и безопасность России" // Независимая газета. – 1996. – 21 марта.
8. Дугин, А. Г. "Балансирование на грани войны" // Независимая газета. – 1996. – 8 апреля.
9. Мяло, К. Г. Россия и последние войны XX века: к истории падения сверхдержавы / Ксения Мяло. – Москва : Вече, 2002. – 480 с. – ISBN 5-7838-0994-7.

Карпенко Петр Павлович – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), pkarpenko1959@gmail.com

Островерхий Сергей Михайлович – старший научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), ostrov61@yandex.ru

Пелогейко Александр Викторович – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), pelogeiko@gmail.com

THE FOREIGN POLICY AND MILITARY-POLITICAL ASPECT OF RUSSIA'S INTERESTS AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

P. P. Karpenko, S. M. Ostroverkhyy, A. V. Pelogeiko

The article examines the foreign policy and military-political aspects of Russia's interests at the turn of the 20th century. The significance of the Caucasus for Russia was primarily explained by the fact that all major events on the European continent were immediately reflected in the adjacent region. The emergence of a new power center in Europe at the turn of the century – the German Empire – and the beginning of its expansion eastward somewhat mitigated the contradictions in the region between Great Britain and Russia. On the eve of the First World War, the government of Nicholas II hoped that Turkey would maintain its neutrality. However, the Turkish government pursued revisionist goals: to seize not only the Transcaucasian region but the entire Caucasus and extend its influence to the Muslim regions of the Volga region; to this end, a German-Turkish treaty was signed. In Transcaucasia, the "Quadruple Alliance," opposing the

Entente, threatened the entire south of the Russian Empire due to Turkey's involvement in it. The necessity of Russia's participation in military operations was very high for its Entente allies; Western governments made all concessions to it during the First World War. The Great October Socialist Revolution, as well as the fundamental subsequent changes in Russia's political system, its status, goals, and needs, marked the beginning of a new stage in the realization of the Russian state's geopolitical interests in the Caucasus direction.

Keywords: Russia, Transcaucasia, First World War, Nicholas II, Great Britain, Europe, Turkey, Iran, Entente, sea route, Bosphorus and Dardanelles straits, October Socialist Revolution of 1917.

References

1. *Girs, A. A. Avstro-Vengriya, Balkany i Turciya. Zadachi vojny i mira* [Austria-Hungary, the Balkans and Turkey. Tasks of War and Peace] / A. A. Girs. – Petrograd: [b. i.], 1917. – 24 p. (In Russ.)
2. *Kersnovskij, A. A. Iстория русской армии: в 4 томах* [History of the Russian Army: in 4 volumes] / A. A. Kersnovskij. – Moscow: Golos, 1992-1994. Vol. 4: 1915-1917 gg. – 1994. – 368 p.: ill. – ISBN 5-7117-0059-3 (vol. 4). (In Russ.)
3. *Sbornik dogоворов России с другими государствами. 1856-1917* [Collection of Russia's Treaties with Other States. 1856-1917] / podgot. k pechati I. V. Genkina i I. N. Zemskov; vstup. st. i red. E. A. Adamova. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (Gospolitizdat), 1952. – 462 p. (In Russ.)
4. *Avalov (Avalishvili), Z. D. Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoj politike 1918–1921 gg.: Vospominaniya. Ocherki* [The Independence of Georgia in International Politics 1918–1921: Memoirs. Essays] / Zurab Avalov. – Paris: Société de publications géorgiennes "Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence", 1924. – 327 p. (In Russ.)
5. *Miller, A. F. Turciya: aktual'nye problemy novoj i novejshej istorii* [Turkey: Current Problems of Modern and Contemporary History] / A. F. Miller; otv. red. G.S. Karasev; Akademiya nauk SSSR, Institut vostokovedeniya. – Moscow: Nauka, 1983. – 280 p. – P. 167. (In Russ.)
6. *Dokumenty vneshej politiki SSSR* [Foreign Policy Documents of the USSR] / Ministerstvo inostrannyh del SSSR. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (Gospolitizdat), 1957. – Vol. 1: 7 noyabrya 1917 g. – 31 dekabrya 1918 g. [7 November 1917 – 31 December 1918] / gl. red. A.A. Gromyko; sost.: I.A. Ahtamzyan, L. A. Bezymenskij [i dr.]. – 1957. – XXXIV, 771 p. (In 1946 godu polozheniya ehtoj stat'i byli primeneny na praktike [In 1946, the provisions of this article were applied in practice]). (In Russ.)
7. *Dugin, A. G. "Kavkaz i bezopasnost' Rossii"* ["The Caucasus and the Security of Russia"] // Nezavisimaya gazeta. – 1996. – 21 marta. (In Russ.)
8. *Dugin, A. G. "Balansirovaniye na grani vojny"* ["Balancing on the Brink of War"] // Nezavisimaya gazeta. – 1996. – 8 aprelya. (In Russ.)
9. *Myalo, K. G. Rossiya i poslednie vojny XX veka: k istorii padeniya sverkhderzhavy* [Russia and the Last Wars of the 20th Century: Towards a History of the Fall of a Superpower] / Kseniya Myalo. – Moscow: Veche, 2002. – 480 p. – ISBN 5-7838-0994-7. (In Russ.)

Karpenko Petr Pavlovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), pkarpenko1959@gmail.com

Ostroverhiy Sergey Mikhailovich – senior Researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), ostrov61@yandex.ru

Pelogeiko Aleksandr Viktorovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), pelogeiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025; принята к публикации: 17.12.2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

П. П. Карпенко, С. М. Островерхий, А. В. Пелогейко Внешнеполитический и военно-политический аспект интересов России на рубеже XIX-XX веков // Социогуманитарные коммуникации. – 2025. – № 4(14).– С. 20-30.

FOR CITATION:

P. P. Karpenko, S. M. Ostroverhiy, A. V. Pelogejko Vneshnepoliticheskij i voenno-politicheskij aspekt interesov Rossii na rubezhe XIX-XX vekov [The foreign policy and military-political aspect of Russia's interests at the turn of the 20th century] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2025. № 4(14). P. 20-30.